

Б. А. УСПЕНСКИЙ

Царь и патриарх

<Фрагменты>

<...> Чин поставления на царство Федора Алексеевича был, по всей видимости, составлен при Алексее Михайловиче — подобно тому, как чин поставления на царство Федора Ивановича был в свое время составлен при Иване IV (см. с. 14 наст, изд.; *Экскурс I*, с. 111–112); именно при Алексее Михайловиче наблюдается вообще та тенденция к византинизации, о которой мы упоминали выше.

Во всяком случае, уже Алексей Михайлович начинает причащаться в алтаре по чину священнослужителей, явно уподобляясь при этом византийскому императору. Ср. сообщение А. Мейерберга¹, относящееся к 1661–1662 гг.: «Если царь изволит приобщаться, то, сняв с себя венец, подходит к жертвеннику (престолу), чего не дозволяется никому из прочих. Они [все прочие] подходят только к порогу средних дверей [т. е. к царским дверям], где встречает их священник и приобщает» (Мейерберг, 1874, с. 95); хотя Мейерберг и не отмечает, что Алексей Михайлович приобщался по чину священнослужителей, по-видимому, это уже имело место.

Подробное описание того, как именно причащался Алексей Михайлович, мы находим в описании патриарших выходов за 1667 г.: «Апреля в 4 день, в великий четверток, божественную литургию в соборной церкви служили все три патриарха [Паисий Александрийский, Макарий Антиохийский и Иоасаф Московский]; в то время великий государь причащался пречистаго тела и пречистая крове Христа Бога нашего во олтаре, по прежнему обычаю, у престола от рук вселенских патриархов: пречистое тело подал ему святейший Паисий папа и патриарх Александрейский, пречистую кровь Христа Бога нашего подал Макарий патриарх Антиохийский, дору святейший Иоасаф патриарх Московский. И потом великий государь из олтаря вышел и стал на месте, а в олтаре причащались

по обычаю архиереи и архимандрита, и игумены, и протопопы, и священницы, и диаконы, отверженном бывшим дверем» (Доп. АИ, V, № 26, с. 105). Как видим, Алексей Михайлович причащается отдельно телу и крови Христовой — подобно тому, как это делают священники и дьяконы.

В целом порядок причащения Алексея Михайловича соответствует византийской практике причащения императора (василевса), как она описана, например, у Псевдо-Кодина² (1966, с. 267–268), а отчасти и у других авторов: согласно этим описаниям, византийский император также причащался в алтаре по чину священнослужителей. Нет никакого сомнения в том, что Алексей Михайлович непосредственно ориентировался в данном случае на византийский ритуал; прямое указание на этот счет содержится в цитированном описании причащения царя в Великий четверг 4 апреля 1667 г.: «в то время великий государь причащался пречистаго тела и пречистыя крове Христа Бога нашего во олтаре, по прежнему обычаю» — под «прежним обычаем» имеется в виду не что иное, как византийская традиция*.

Скорее всего, Алексей Михайлович (или те русские духовные лица, которые были ответственны за составление соответствующего чина) узнал о том, что византийский император причащался по чину священнослужителей, от бывших в Москве греков, т. е. реконструкция византийской традиции основывалась, надо думать, главным образом на устной информации; менее вероятно использование каких-либо документальных источников. Новый порядок причащения царя, несомненно, определился после разрыва с Никоном, когда последний оставил патриарший престол, — следовательно, не ранее 1658 г. Вместе с тем, судя по сообщению Мейерберга, это случилось очень скоро после падения Никона — еще до собора 1666 г., когда в Москву стали съезжаться представители греческого духовенства. Это дает возможность определить источник сведений русского царя о византийском ритуале.

Мы едва ли ошибемся, предположив, что Алексей Михайлович основывался на информации, полученной от Паисия Лигарида³,

* Ср. в этой связи слова митрополита (Макария), обращенные к Ивану IV, в описании венчания на царство, которые мы уже цитировали в основном тексте данной работы (см. с. 15 наст. изд., примеч. 3): «...отец твой князь великий Василей Иванович, всеа Русии самодръжец, ...велел тебе, сыну своему Ивану, на то на великое княжество стати и помазатися и венчатися боговенчаным царским венцем, по древнему вашему царскому чину» (Барсов, 1883, с. 49, 74; Идея Рима..., с. 82). Заявление о помазании по «древнему... царскому чину», опять-таки, непосредственно относится к византийской традиции.

который имел вообще очень большое влияние на царя*; Паисий появился в Москве в 1662 г. — как раз в то время, которое описывает Мейерберг**. Показательно в этой связи, что вопрос о причащении царя в алтаре является предметом полемики Никона с Паисием Лигаридом в 1664 г.; так, возражая Паисию, Никон писал: «А еже ты глаголещ, для того царь ходил во олтарь что помазан от Бога, и то ты солгал. Помазан есть чрез архиереа на царство...» (Никон, 1982, с. 621–622; К-в, 1880, с. 243, примеч. 2)***.

В этой ситуации трудно ожидать, чтобы причащение русского царя совпадало с причащением византийского императора во всех деталях; оно совпадало, однако, в главном — оба монарха причащались в алтаре по чину священнослужителей. И напротив,

* Менее вероятно, что русские узнали о византийской традиции от греческих архиереев, принимавших участие в соборе 1660 г., созданном для избрания преемника Никону и решения вопроса о том, как быть с самим Никоном (об этом соборе см: Каптерев, П, с. 261).

** Паисий Лигарид приехал в Москву 12 февраля 1662 г. (см: Каптерев, П, с. 270), тогда как Мейерберг оставался здесь до конца апреля 1662 г. по старому стилю (по одним сведениям он выехал из Москвы 3 мая, по другим — 6 мая нового стиля, см.: Мейерберг, 1874, с. 191; Мейерберг, 1882, с. 48). Если наше предположение верно, это означает, что Мейерберг описывает новый — только что введенный — обряд причащения царя. Сам Мейерберг, разумеется, не мог быть свидетелем этого обряда и описывает его со слов своих русских информантов — последние, можно думать, рассказывали о нем как о новшестве.

*** Ссылаясь на 69-е правило Трулльского собора⁴ (691 г.), а также на толкование к этому правилу, Никон заявляет здесь, что царь может входить в алтарь лишь для того, чтобы принести дары Творцу, «по некоему преданию древних отец» (ср. выше, примеч. 3). Паисий же, ссылаясь на Властаря⁵ (см.: Властарь, 1996, с. 98–99, буква Р, гл. 6), имеет в виду причащение царя в алтаре, ср. у Никона: «Паки, ответотворче, пишеш: “Матфей Властарин, толкуючи для чево ходил царь во олтарь к тайным таинством, глаголи: ...и сия для того, что есть помазан от Бога, и для того наставляют патриархи, могут выбирать архимандриты. Игумены не могут ли выбирать?”. О Матфее от закон святых соборных церкви не ведаем, кто он есть... Тако же ты толкуеш государю приходити во олтарь во время причастия...» (Никон, 1982, с. 621–623). Уместно отметить, что Паисию Лигариду принадлежит предисловие к «Синтагме» Властаря, которое было переведено в Москве на церковнославянский язык (см.: Соболевский, 1903, с. 345–346).

Что касается правила Трулльского собора, то оно стало предметом специального обсуждения между Алексеем Михайловичем и Паисием Лигаридом. Так, 26 ноября 1662 г. царь спрашивал Паисия: входил ли византийский император в алтарь (&&&) для того, чтобы принести дары Творцу (см.: Шевченко⁶, в печати); вопросы царя и ответы Паисия Лигарида (на греческом языке) дошли до нас в позднейшей копии (второй половины 1660-х гг.) собрания монастыря св. Екатерины на Синае (Sinaiticusgr. 1915, л. 29–60). Этот вопрос отчетливо демонстрирует интерес Алексея Михайловича к реконструкции литургического статуса византийского императора.

совпадение в деталях не обязательно объясняется в данном случае знакомством с византийской традицией.

Так, Алексей Михайлович причащается в данном случае после патриархов, но до архиереев — подобно тому, как это происходило и ранее, до того как царь начал причащаться в алтаре (и как это зафиксировано в чинопоследовании его венчания на царство); между тем в чине венчания Федора Алексеевича, как мы упоминали, причащение царя следует после причащения архиереев, архимандритов, игуменов и священников, но предшествует причащению дьяконов. Причащение Алексея Михайловича происходит уже в алтаре, однако сохраняется еще старая последовательность причащающихся лиц. Эта последовательность отвечает византийской традиции, описанной у Псевдо-Кодина (1966, с. 267–268), но, вообще говоря, она может объясняться и безотносительно к этой традиции — уже установившейся практикой причащения Алексея Михайловича.

Таким образом, рассматриваемый сейчас обряд — порядок приобщения св. Тайнам Алексея Михайловича после его возведения на престол — оказывается промежуточным между соответствующими обрядами более раннего и более позднего времени; он может рассматриваться как своеобразная контаминация обряда причащения священнослужителей и обряда царского причащения, принятого до середины XVII в.

Что касается изменения в последовательности причащения, отразившегося в чине венчания Федора Алексеевича, то оно, как кажется, объясняется внутренней логикой обряда. Пока царь причащался как мирянин, он в принципе не мог приравняться к священнослужителям. Между тем, после того как царь начинает причащаться как священнослужитель, встает вопрос о его иерархическом месте среди священнослужителей; при этом в соответствии с византийской традицией царь оказывается уподобленным дьякону.

В описании причащения Алексея Михайловича в Великий четверг 1667 г. обращает на себя внимание еще одна деталь: причащение священнослужителей, следующее за причащением царя, происходит в данном случае при открытых царских дверях (причащение патриархов, предшествующее причащению царя, происходило, надо полагать, при закрытых царских дверях); по всей вероятности, двери были открыты и при причащении царя, хотя это прямо и не сказано. Алексей Михайлович, по-видимому, приглашался к причастию после причащения патриархов (как это происходило и во время его венчания на царство): при этом открывались царские двери. Царь входил в алтарь, причем царские двери не закрывались и после его причащения; в результате оставшиеся священнослужители, вопреки обычной литургической практике, должны были причащаться при открытых дверях.

В чинопоследовании венчания на царство Алексея Михайловича причащение всех священнослужителей происходит при закрытых царских дверях, однако двери открываются после причащения патриарха и перед причащением остальных священнослужителей, когда происходит помазание и причащение царя. В чинопоследовании венчания на царство Федора Алексеевича царские двери закрываются как при причащении священнослужителей, так и при причащении царя; при этом двери открываются после причащения всех священнослужителей, кроме дьяконов, и до причащения царя, когда происходит помазание царя (после чего царь вводится в алтарь для причащения).

Итак, уже Алексей Михайлович причащается в алтаре по чину священнослужителей. Тем не менее, именно с поставления Федора Алексеевича причащение царя в алтаре эксплицитно связывается с его помазанием на царство: будучи фиксировано в чине поставления на царство, причащение царя начинает восприниматься в связи с особым статусом царя как помазанника* <...>.

<...> Итак, первым из русских государей начинает причащаться в алтаре и по чину священнослужителей Алексей Михайлович, после чего — начиная с его сына, Федора Алексеевича, — такого рода причащение вводится в коронационный обряд. При этом, судя по указаниям позднейших источников, монарх причащается таким образом только при коронации**. Это отличается от того, как

* Ср. последнее описание: «Государь Император, сделав поклонение у престола, приобщается от Митрополита Св. Тайн тела и крови Христовой, «по чину царскому», как помазанник Божий и верховный покровитель церкви, приобщается таким образом, как причащаются священнослужители: особь тела и особь крове Христовы» (Никольский⁷, 1907, с. 691). Равным образом и Симеон Солунский, говоря о причащении византийского императора (василевса) по чину священнослужителей — отдельно телу и отдельно крови Христовой — при коронации, говорит: «такая честь усваивается царю ради царственного помазания...» (Минь⁸, PG, CLV, гл. 143, стлб. 351–352; Писания..., II, гл. 111, с. 197; ср.: Трайтингер⁹, 1956, с. 140, примеч. 22).

** Ср.: «Кроме архиереев, пресвитеров и диаконов, в алтаре никто не причащается, потому что только эти три чина рукополагаются внутри алтаря, а прочие вне алтаря (Сим. Солун.; см. Нов. Скр., 262 стр.), за исключением Государя Императора, который во время его коронации проходит в алтарь царскими вратами к престолу и там причащается св. Тайн...» (Булгаков¹⁰, 1913, с. 794); отсюда можно понять, что в прочих случаях император причащается вне алтаря и, следовательно, как мирянин. См. еще: Лебедев¹¹, II, с. 139; Князев¹², 1988, с. 155, примеч. 104.

Исключение составляет причащение Павла I, который после возведения на престол причащался по особому обряду. Этот обряд будет специально рассмотрен ниже.

причащался Алексей Михайлович — последний, как мы видели, вообще причащался таким образом*. Мы не знаем, когда произошло это изменение, однако есть основания думать, что это могло случиться в конце XVII в.

Как кажется, интересующее нас изменение было обусловлено знакомством с трактатом Симеона Солунского «О святом храме». Действительно, Симеон, в отличие от других византийских авторов, эксплицитно ограничивает причащение императора в алтаре именно коронационным обрядом: по его словам, император «причащается внутри алтаря только во время помазания и торжественного венчания своего...» (Минь, PG, CLV, гл. 143, стлб. 351–352; Писания...¹³, II, гл. 111, с. 196; Беляев, II, с. 176, примеч.).

Показания других византийских авторов не вполне ясны в этом отношении. Правда все известные нам авторы, упоминающие о причащении императора в алтаре, говорят об этом в связи с описанием коронации**; из этого не следует, однако, что император не мог причащаться таким образом в других случаях — в частности, тогда, когда он прислуживал при литургии***. При этом Псевдо-Кодин (1966, с. 267) и Иоанн Кантакузин¹⁸ (I, с. 202) предусматривают возможность того, что император при коронации вообще не причащается

* Г. П. Георгиевский в своем описании праздничного богослужения в старой Москве сообщает, что великим постом «государь причащался св. тайн по царскому чину, у св. престола в алтаре... Перед причащением священнослужителей государь подходил к св. престолу и принимал причастие при открытых царских дверях» (Георгиевский, 1896, с. 41–42). При этом он ссылается на упоминавшееся выше описание причащения Алексея Михайловича в Великий четверг 1667 г. — по-видимому, воспринимая это как общее правило, т. е. не отдавая себе отчета в том, что способ причащения Алексея Михайловича в это время отличался как от предшествующей, так и от последующей традиции.

** Таковы описания Псевдо-Кодина (1966, с. 267–268) и Иоанна Кантакузина (I, с. 202) — текстуально близкие и восходящие, видимо, к общему источнику (см.: Иоанн Кантакузин, 1982–1986, I, с. 270–271; ср. также: Псевдо-Кодин, 1966, с. 34), — а также описания коронации Мануила II в 1392 г. (см.: Шрайнер, 1967, с. 78, 84; Маджеска, 1984, с. 432–433; ср.: Псевдо-Кодин, 1966, прилож. VI, с. 358–359; РФА, II, № 86, с. 275; Маджеска, 1984, с. 111). См. также чин венчания на царство Мануила II Палеолога 1392 г.: Лопарев, 1913, с. 6, 10; Псевдо-Кодин, 1966, прилож. VI, с. 358–359.

Отметим, что на Западе монарх причащался как священнослужитель (под обоими видами) именно при коронации, см.: Брове, 1932, с. 167–168; Блок, 1983, с. 205–206; ср. выше, примеч. 3.

*** Р. Тафт, кажется, склоняется именно к такому толкованию соответствующих источников (см.: Тафт, в печати). Ср. также: Никодим, I¹⁴, с. 559; Трайтингер, 1956, с. 139; Мэтьюс, 1971¹⁵, с. 172–173; иначе: Брейе, II¹⁶, с. 15; Блок, 1983, с. 207; Мейнстоун, 1988¹⁷, с. 235.

св. Тайнам. Таким образом, согласно этим авторам причащение императора не входило в коронационный обряд (по крайней мере в качестве обязательного элемента). Между тем Симеон Солунский описывает причащение императора в алтаре именно как часть коронационного ритуала*.

В целом вопрос о том, когда именно византийский император причащался в алтаре — только ли при коронации или также и в некоторых других случаях, — остается нерешенным. В зависимости от того или другого ответа на этот вопрос можно по-разному объяснять причащение Алексея Михайловича. Если бы оказалось, что причащение византийского императора в алтаре не было ограничено коронационным обрядом, это означало бы, что поведение Алексея Михайловича ближайшим образом соответствует византийской модели. Мы можем предположить, вместе с тем, что византийский император причащался в алтаре только при коронации (как об этом и говорит Симеон Солунский), но при Алексее Михайловиче была усвоена главная особенность причащения императора, определяющая его особый статус, — то, что монарх может причащаться в алтаре**;

лишь позднее было обращено внимание на то, что это происходило только при коронации. В любом случае очень вероятно, что именно перевод сочинения Симеона Солунского способствовал пересмотру существующей практики.

Следует при этом подчеркнуть, что вопрос о том, как причащался византийский император, имеет лишь косвенное отношение к нашей теме: нас интересует вообще не столько то, как обстояло дело в Византии, сколько то, как византийская традиция была воспринята в России <...>.

* Как уже отмечалось, показания Симеона Солунского относительно причащения императора вообще отличаются от свидетельств других источников и, может быть, не всегда достоверны. См. выше, примеч. 3.

** Так, например, Паисий Лигарид — если верно наше предположение о том, что именно от него были получены сведения о византийском ритуале, — мог рассказать царю, что византийский император причащался в алтаре как священнослужитель, не сообщив при этом никаких дополнительных данных.